

ЭФИЛИО

В поиске истины
больше намного страха,
чем любопытства.

Слеплены боги
с царей и детей
неумельми богомазами,
выдающими аналогию
за изобретение.

Наркоманская ломка жизни
не даёт нам понять,
что любое благо –
тьнь несчастья,
любое блаженство
порождено нуждой и лишением.

Люди те же машины,
обременённые болью,
застрявшие в паутине лжи,
в царстве возвышающего обмана,
страусы, зарывшие головы в песок,
стоящие зябкими ногами
во тьме низких истин.

Молекула ДНК.
Существование.
Нет другого врага.

И ошибка выжившего в том,
что он хочет излечить жизнь от зла,
не понимая, что жизнь и есть зло.
Всякий раз преодолевая невзгоды,
он лишь повышает планки
и ставки нового зла.

Святым может быть
лишь то, чего нет.
Как нет отчаянного
племени Хайты,
как нет Бога,
как нет Ницше,

как не будет и нас самих
однажды...

БУКВЫ НА ЭКРАНЕ

В тумане пьяном – от вина ль, от слёз? –
плывут цветные тени
чёрно-белых грёз:
миров обманчивых больные очертанья
и пройденных дорог плетенья.
Забывтых лиц немые изваянья,
как автострад ночные метеоры,
врываясь в окна опустевших комнат,
пронзают нежилой души просторы,
холодные и тёмные просторы,
да шепчут, утасая, полусонно
людей, давно ушедших, имена,
и в каждом имени – вина.
...и режет мне глаза туман вины негласной.

Печальная красотка записная
вдруг проплывёт бездушным манекеном
по улочке и дом свой променяет
на карамельный блеск чужих витрин.
Так очевиден выбор, что не зная,
мы делаем – дурманом, что по венам
ушедших и грядущих поколений
течёт, судьбой нещадной нас гоняет
по виражам напраслин и кручин
до белой пены, белого каленья.
Плывёт по улочкам полуночного ада
забывтый в детстве сломанный журавлик,
растоптанный ботфортами кораблик
из Александровского сада...
...так беспощаден выбор, что не нами...

И множатся безлюдных комнат стаи,
а журавлей убитых косяки
плывут в закатном небе, не дыша,
крылами хладными как будто бы верстая
кровавой летописи том, и медяки
ложатся не спеша
наместо солнца и луны.
Мы все – лгуны,
предатели и воры –
опустошая годы и пространства,
несём с собою злые разговоры
и сказки о добре и постоянстве,
да только ржавчина затворов,
дрожащих на ветру, печальным стоном,
цепей дверных скрипением и звоном
припоминает наши имена
в ненастный час,
а наши времена
пустых притонов
скошенныи двери,
как будто бы ещё во что-то веря,
поныне сторожат.
Во что ты веришь, даже не дыша? –
как призрак-пёс, что годы ждал кого-то,
встречая, провожая самолёты,
окаменел, но продолжал бежать...

Что мне сказать тебе, ушедший друг?
Глотай мои слова, как дым кальяна,
как терпкое, глумливое вино.
Смотри немое, чёрно-белое кино,
разбей свой шар хрустальный,
в котором лишь пейзажи новых вьюг.
Пусть старый сон не новизной разлук –
зальёт нас тёплым, матовым сияньем,
где мы, подобные античным изваяньям,
под небом мраморным лежим вдвоём безгласно,
на дне лады широкой и неспешно
плывём в туман беспамятной реки,
всевидящими взорами пронзая
по-зимнему неласковое солнце
периодом полураспада рая,
и цветом, точно ядовитый стронций.
И больше нет ни страха, ни соблазна,
лишь тёплое касание руки,
лишь грёзы чистые нетрепетно-немы.
...так, будто это вовсе и не мы...

... и режет мне глаза туман вины негласной –
хотелось бы красиво умереть,
но красоту, что набралась в ладонях,
как нищий милостыню, я не удержу...
Пусть больше нет ни страха, ни соблазна,
но тягостно сквозь память лет смотреть:
на старом фото пожелтевшем – молодой я,
на фоне выцветших дорог, где лён и джут
кладбищенских оград столетних.
А старость, старость – вот она! – в усталых сплетнях,
невидимо, но верно бьёт под дых,
глядит чужими лицами родных.
Изрезанные пикселями вереницы лиц
проглочены таймкодами вэб-камер –
отсутствия жестокий блиц
меж тем, кто был, и кто навеки замер,
окаменел и продолжал бежать
туда, где дни нетрепетно-немы,
...так беспощаден выбор, что не нами...
...так, будто это вовсе и не мы...

Никто, ничто нас больше не спасёт.
Увидел варвар, победил – и всё...
И всё!
А коды наших судеб
давно все расшифрованы
и рассекречены,
и распечатаны
рулонами –
гнилую рыбу и прокисшее вино
небрежно ими обернув,
пропойца-нищий медленно идёт
домой...

В тумане пьяном – от вина ль, от слёз? –
плывут цветные тени
чёрно-белых грёз:

миров обманчивых больные очертанья
и пройденных дорог плетенья...
А дальше – чёрный непролазный лес.
Окинув взором пустоту небес
и не найдя спасительной там силы,
пусть безымянной, непостижной силы,
которой я готов был уступить,
пожертвовав безверьем, я погиб...
А ты, мой друг, пока в беду не влип,
пока есть за кого дышать и жить,
забудь наш прошлый и напрасный век,
ненужных слов больные излиянья.

Ведь говорил с тобой не человек –
Не я, а только буквы на экране...

СИЛЬНЕЕ МЕНЯ

В мире, где щедростью платят за скучный досуг,
за продолжение старой иллюзии дружбы,
я позабыл, кто мне истинно враг или друг.
Все они временны, все они где-то снаружи
дома ли, сердца, – не любят, – плати, ни плати.
Видимо, даже двуличие знает пределы,
но до развилки нам будет ещё по пути
с песней и басней об общем и значимом деле.
Ложью наполнены каждое слово и взгляд –
так выживают, так любят и так кабалят.
В мире войны, где на каждой тропе западня,
должен быть кто-то храбрее и сильнее меня.
Как им живётся без той безусловной любви,
той – материнской и отчей, как телу без боли,
ночью ли мёртвой с портретом своим визави,
днём ли пустым в одинокой, холодной юдоли?
Я не привык к одиночеству этой, увы,
и не сдружился с толпой криворотых паяцев,
но научился красиво глаголить, как вы,
больше терпеть и удачнее вас притворяться.
Святы лишь золото, злоба, коварство и страх.
Песни иные погибли на вольных ветрах.
Чтобы не спинуть, терпя это день изо дня,
мне нужен кто-то добрей и сильнее меня.
Коли не помнят, – подавно не смогут забыть,
голову пряча, как водится, под одеяло.
Если не любят, желая любимыми быть,
значит, и вовсе меж ними любви не бывало.
Мне говорят: «Не надейся на чудо в миру,
стань чудом сам – и услышишь дыхание рая».
Только в зеркале увидев себя поутру,
я понимаю – чудес на земле не бывает.
Будни войны, где на каждой тропе западня,
претерпевает, нетронутой душу храня,
кто-то храбрее,
кто-то добрее,
кто-то намного сильнее и лучше меня...

НЕЗАМЕНИМЫЕ

Вымрут поклонники Цоя и Летова.
Полки наполнятся новыми книгами.
Круговорота бесславного этого
Не избежать, и забвенья веригами
Схвачены будут герои грядущие:
Блогеры, коучи, телеведущие.
Новая выйдет на площадь шпана –
Ныне и присно бессмертна она.

Помнят и Пушкина и Достоевского
Не потому, что их слог совершеннее,
А потому, что двора королевского
Им было дадено благословение.
Сделаны ставки – истории книжница
И бытием, и забвением пишется.
Важно назначить один силуэт,
А остальных – не бывало и нет.

Сколько страниц сожжено и затоптано.
Сколько святых не отмечено нимбами.
Носят на сердце клеймо «отработано»
Те, кто для нас были незаменимыми.
Все мы вторичны, и каждый – вселенная,
Оскюморонная, неполноценная.
Незаменима одна пустота:
Сцена пустая, пустые места.

НЕБО МЁРТВЫХ ДЕЛЬФИНОВ

Снова небо до срока свинцом налилось,
за холодным туманом зовущая бездна
чужих городов,
приотивших мои мечты
до того, как я разучился мечтать;
и стрелою летит через бездну
старый поезд, неся запоздалую весть
от меня тем, кого я так и не встретил,
никогда не узнал
и не спас.

Мудрость синих китов, уходящих за ночью,
холодна, непреклонна, как зимний рассвет,
и свинцовые дни на свинцовых подушках
проплывают по небу
силуэтами мёртвых дельфинов –
только горечь во рту поутру
говорит, что они были живы вчера,
что вчера миновало лет двадцать назад.

Первый снег проступил сединой до поры.
Я, как прежде, отчаян, мотив мой прекрасен,
как самоубийство,
как те незнакомцы в чужих городах.
И во снах наяву я, как прежде, смотрю
сквозь намокшие стёкла
на плывущие мимо ветви деревьев
под свинцовым заплаканным небом.

По ночам всё глазами брожу
по маршрутам былых каллиграфий
номеров, адресов в обветшалом блокноте,
срываю в ночи телефонную трубку,
заставая врасплох тишину.
Мне так хочется верить, что призрачный мир,
мною упущенный, был реальным.

Но погибель, как гневный софит
над сценой сорванного спектакля,
солнцем бьёт мне в глаза,
дистопической ржавой громадой
затеняет дома,
как решётка над головой,
застит небо, дробит на квадраты
мелодию лет,
и я забываю...

...забываю твой черты,
наши слёзы и поцелуи,
встречи в уютном кафе вечерами,
грустный голос Патрисии,
будто пророчивший «то будем мы»,
безумные книги и волшебство,
грустные аниме,
печальные песни юности
из девяностых и нулевых –
бегство от всех,
недолгая близость,
похмельное утро,
свинцовое небо,
полное спящих дельфинов,
новое расставание
навсегда.

Сон ли, виденье случайно
вдруг всколыхнёт
свинцовую пропасть забвенья,
как поезд, промчавшийся по степи,
ненадолго вздымает песчаные вихри;
и подняв телефонную трубку,
как станционный смотритель
заброшенного полустанка,
я промолчу: «Мой друг,
новостей больше нет,
в этом мире я больше не нужен».

Я скажу и забуду себя.